

А.Б. Панченко, О.Н. Стafeев

ИНОРОДЧЕСКИЙ ВОПРОС В ДИСКУРСАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: МЕЖДУ ПОТРЕБНОСТЯМИ ГОСУДАРСТВА И ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ОБЩЕСТВА

Предпринята попытка рассмотреть инородческий вопрос через призму многофакторного подхода, предполагающего существование нескольких разнонаправленных дискурсов, создаваемых различными акторами. В рамках властного дискурса инородцы описывались как отдельное сословие, созданное для максимально эффективного использования особенностей хозяйства и самоуправления некоторых групп населения. В общественно-политическом дискурсе существовало несколько трактовок: как «иной», враждебно настроенный по отношению к русскому народу; как нерусские народы империи, ущемленные в правах; как отсталые, а потому безвредные народы Сибири.

Ключевые слова: инородцы; ориентализм; внутренняя колонизация; новая имперская история; дискурс-анализ.

Понятие «инородцы» впервые было введено в законодательный и властный дискурс Российской империи в 1822 г., после принятия разработанного М.М. Сперанским «Устава об управлении инородцев» [1. С. 394–416], хотя первые обсуждения, связанные с ним, проходили в конце 1820 – начале 1821 г., когда готовился его проект [2]. Первое упоминание термина в законодательстве относится к 1700 г., где он присутствовал в заголовке (но не в тексте, где были упомянуты только «ясачные народы») указа «... об отыскании достойных людей для проповеди Евангелия Сибирским инородцам и Китайцам» [3. С. 59–61]. Но, как указывает А.Ю. Конев [4. С. 118], названия указов давались М.М. Сперанским только в 1830-е гг., когда составлялось полное собрание законов, соответственно термин «инородцы» в данном случае относится уже к первой трети XIX в.

Традиция исследования инородческого вопроса в Российской империи берет истоки во второй половине XIX в. (с эпохи Великих реформ). За это время был накоплен значительный материал, затрагивающий практически все аспекты существования этой общности, начиная от государственной политики и заканчивая особенностями быта отдельных групп инородцев. Достаточно подробная историография представлена в диссертации А.Ю. Ледовских [5], поэтому представляется возможным ограничиться только несколькими замечаниями.

Подавляющим большинством исследователей категория «инородцы» рассматривается как этническая, призванная отделить ряд народов от «природных русских» и, таким образом, выступающая в качестве средства конструирования образа «иного» или «чужого». Некий итог этой исследовательской парадигме подводит статья А.Ю. Конева, в которой анализируются дискурсивные практики XVIII в. (особый упор сделан на словарях) и делается вывод, что «Впервые слово “инородец” появится в пятой части Словаря Академии Российской, опубликованной в 1794 г. Здесь же за ним окончательно закрепляется смысловое значение, связанное с племенной / этнической принадлежностью» [4. С. 119]. Хотя, например, Дж.У. Слокум и говорит, что «...для России конца императорского периода была характерна “сложная, разнородная структура общества” – “смешанная система “сословий и классов”» [6. С. 506], но в дальнейшем он сам практически игнорирует собственное

утверждение, только вскользь упоминая, что изначально термин «инородец» был юридической категорией, сводя ее к необходимости отграничения «чужого», который к тому же воспринимался как «второсортный». Кроме того, при характеристике «инородческого вопроса» современные исследователи в основном обращаются к публицистике и / или специальным работам пореформенного периода, в которой термин «инородец» действительно использовался в качестве этнической категории, игнорируя тот факт, что в законодательной практике он по-прежнему оставался названием сословия. На этом фоне значительный вклад был внесен В.О. Бобровниковым, который на примере в первую очередь северокавказского фронтира сделал вывод, что понятие «инородцы» «означает искусственно сконструированные сословные группы, созданные в результате взаимодействия империи и местных кочевых и оседлых обществ на укрепленных пограничных линиях преимущественно восточной российской периферии в XVIII – начале XX века» [7. С. 290]. Однако и он рассматривает этот термин через призму колонизаторского дискурса, отдавая приоритет законодательной и административной практике.

В настоящее время изучение инородческого вопроса в Российской империи в основном ведется в русле двух подходов – «новой имперской истории» и «внутренней колонизации», которые объединяет ориенталистская парадигма. Однако, как показал Н. Найт [8] в споре с А. Халидом [9], это приводит к значительному упрощению реальной ситуации. Ориенталистский подход является следствием распространенного заблуждения в том, что власть и интеллектуалы (а также интеллигенция) имели консолидированную позицию по отношению к различным этническим и социальным группам империи, тогда как даже в среде общества (под которым объединяются как представители признанного властями академического сообщества, так и оппозиционная правительству интеллигенция) существовало множество течений, что увеличивает количество действующих акторов. Кроме того, исследователями не придается никакого значения тому факту, что сам термин «народ» (в том числе и применительно к русскому народу, который создавался как бы «в противовес» инородцам) имел два различных значения – как собственно этническое (причем в этом смысле чаще использовался термин «племя»), так и социальное

(как обозначение крестьянского сословия). В силу этого рассмотрение категории инородцев исключительно как обозначения этнических общностей, противопоставленных русскому этносу, представляется некорректным и не учитывающим специфики Российской империи, которая не позволяет механически применять концепции, созданные на основе изучения европейских империй. Для определения содержания инородческого вопроса в различных дискурсах Российской империи необходим многофакторный подход, предполагающий выделение различных акторов, определение их интересов, мотивов, особенностей применения тех или иных терминов.

Начиная с XVI в. Московское царство (а затем Российской государство и Российская империя) становилось все более полигэтничным, включая в свой состав территории, заселенные представителями не только других этносов, но и иных конфессий, в том числе и те, где уже существовали независимые государства, превращаясь, таким образом, в империю. Существование этнических различий внутри государства было очевидно для властей, что нашло отражение уже в первом общероссийском законодательстве – Соборном уложении 1649 г., где присутствовали статьи, посвященные татарам, башкирам и «ясачным людям» (которые противопоставлялись «русским людям»). Однако при создании системы управления основной упор был сделан не на учет этих различий (как и любых других), а на обеспечение максимальной эффективности функционирования государства как целого. Именно поэтому политика российских властей в области выделения различных групп населения, их структурирования и организации управления ими была очень гибкой, учитывающей множество различных условий, но в то же время крайне последовательной. Из-за этого отдельные группы могли быть в разное время сконструированы как социальные, этнические или конфессиональные и переводиться из одного разряда в другой по мере необходимости. Как показал Ч. Стейнведел [10] на примере башкир, из-меняющихся приоритетов в государственной политике эта группа изначально была оформлена как этническая, затем превратилась в социальную, а после снова стала этнической, причем переведенной из разряда инородцев в «обычную» национальность. Не менее серьезные трансформации, при сохранении общего принципа государственной целесообразности, пережила и категория «инородцы» как некая отдельная общность.

Как указывалось в «Уставе об управлении инородцев», понятие «инородцы» вводилось применительно ко всем обитающим в Сибири инородным племенам взамен термина «ясачные» [1. С. 394]. В законодательных актах с 1649 по 1822 гг., где говорилось о ясаке и ясачных для обозначения конкретной этнической группы, указывалось ее название (обязательно с заглавной буквы), без добавления обозначения «народ», например, Татары, Башкирцы, Якуты. Для обобщенного названия категории населения, обложенной ясаком, как правило, использовался термин «люди» – ясачные люди, либо просто – «ясачные». Словосочетание «ясачные народы» использовалось

достаточно редко, в большинстве случаев применительно исключительно к Сибири, а учитывая тот факт, что термин «народ» чаще всего использовался для обозначения низшего податного слоя Российской империи, можно говорить, что это является не этнической, а социальной категорией. Термин же «ясачные племена» в законодательстве предшествующего периода отсутствовал, хотя именно племя в лексиконе этой эпохи было синонимом современного термина «этнос». Таким образом, ясачные народы (или племена) – это определенное сословие, в которое хоть и входят представители различных этнических групп, но это не играет существенной роли, поскольку отнесены они в этот разряд не потому, что относятся к определенным этносам, а потому, что занимаются определенной деятельностью и, исходя из нее, облагаются определенными податями. В качестве подтверждения этого тезиса можно привести татар, которые могли быть занесены как в категорию служилых, так и ясачных, в зависимости от занятий. Еще одним доказательством того, что инородцы были сословием, а не обозначением совокупности этнических групп, является тот факт, что в принятом в 1833 г. Своде законов Российской империи общее законодательство об инородцах отнесено в группу актов о состояниях [11] (правах и обязанностях сословий). Но стоит отметить, что при этом там же инородцы выделялись в отдельную группу, отличную как от «природных обывателей», состоящих из городского и сельского населения, так и от иностранцев. Хотя и в этом случае видно, что определяющим фактором являлся не этнический, а хозяйственный, поскольку, например, «Татары-поселяне» рассматривались в разделе о сельских обывателях, т.к. занимались сельским хозяйством в Таврической губернии [Там же. С. 160–167].

Однако введение категории инородцев означало не просто механическую замену прошлого термина и его некоторую конкретизацию в пространстве (Сибирь) и составе (к инородцам не были причислены татары, башкиры и другие этносы Поволжья). По всей видимости, уже в это время в правительстве произошло осознание исчерпаемости пушных богатств Сибири и необходимости поиска новых, оптимальных форм эксплуатации «ясачных людей». Например, уже в 1766 г. был выпущен указ Сената [12. С. 1110–1112], в котором говорилось о сборе ясака лосиной и оленьей кожей для изготовления из нее армейской амуниции, а после введения «Устава об управлении инородцев» количество законодательных актов, посвященных сбору ясака, резко сокращается по сравнению с предшествующим периодом, причем значительная их часть направлена на освобождение от него отдельных групп внутри инородческого сословия. Соответственно можно констатировать, что речь шла об упразднении одной социальной общности и создании вместо нее совершенно иной, где маркером принадлежности стал не вид государственных повинностей, а нечто другое.

Хотя в самом Уставе не были обозначены критерии, согласно которым та или иная группа включается в сословие инородцев, но их можно выделить исходя из двух моментов. Во-первых, сам документ носит

название «Устав об управлении инородцев» (но не инородцами). Во-вторых, в Своде законов Российской империи он был помещен в том, посвященный системе государственного и губернского управления [13]. Поскольку и Устав, и Свод были составлены М.М. Сперанским, очевидно, что это соответствовало определенной логике. Таким образом, инородцы оказывались группой, для которой характерны определенные особенности в (само)управлении, опирающиеся на существующие у отдельных разрядов (подгрупп), ее составляющих, традиции и обычаи, отличающиеся от общимперских практик. Это объясняет и выделение в составе сибирских инородцев, помимо трех разрядов, связанных непосредственно с образом жизни (оседлые, кочевые и бродячие), еще двух – чукчей и джунгарских двоеданцев. Но если брать за основной критерий наличие особенностей (само)управления, то внешнее противоречие исчезает. С этой точки зрения становится понятным включение в инородческое сословие евреев (частично самоуправляющихся с помощью кагалов), которые и по уровню развития, и по этническим особенностям не имели ничего общего с сибирскими этносами. По всей видимости, имперские власти исходили из того, что максимальная эффективная эксплуатация инородцев возможна только с опорой на распространенные у них практики управления, без их унификации (хотя при этом тем же М.М. Сперанским была начата кодификация обычного права сибирских инородцев, подразумевавшая определенную модернизацию и приведение к некой «цивилизованной норме» [14. С. 165]). Но при этом эти практики охватывали только ту сферу, которая относилась к увеличению пользы того или иного разряда внутри инородческого сословия для государственных нужд (не обязательно относящихся только к дополнительным доходам). Из того же принципа государственной целесообразности различные разряды инородцев наделялись теми или иными правами и обязанностями, которые по необходимости могли быть изменены.

С этой точки зрения обвинения целого ряда исследователей в адрес Российского государства в том, что введение категории инородцев, не предусматривающей возможности для общностей, входящих в нее, стать русскими, привело к созданию группы населения со «второсортным статусом» [6. С. 511; 15. С. 126; 16. С. 105], оказывается беспочвенным. Как и любое другое сословие, инородческое не предполагало возможности группового перехода в иное (кроме как перевод в новое сословие по инициативе государства), но при этом возможности индивидуального повышения сословного статуса оставались открытыми. При организации инородческого сословия для государства вопрос этничности (или народности) вообще не стоял, поскольку никак не мог способствовать повышению эффективности эксплуатации этой группы населения. Хотя при составлении «Устава об управлении инородцев» М.М. Сперанский и подразумевал возможности перехода отдельных племен из одного разряда в другой, видя одну из задач правительства в повышении культурного уровня инородцев, но это было скорее побочным результатом про-

цесса освоения занятых ими территорий. Сословный принцип организации Российской империи обеспечивал необходимую устойчивость, одновременно оставляя достаточный простор для маневра, поэтому в ряде случаев этнические группы сознательно конструировались как социальные, как произошло, например, с башкирами, ставшими сначала одним из разрядов казачества, а после исчезновения необходимости в охране Оренбургской линии были переведены в крестьянство, но сохранили свой этоним; аналогичной была ситуация с евреями, которые в законодательстве сначала фигурировали как иноверцы, а потом – как сословие внутри инородцев.

В дальнейшем произошло расширение перечня групп, входивших в состав инородческого сословия. Если в Своде законов 1833 г. таковых было названо четыре (помимо вышеупомянутых сибирских инородцев и евреев, были кочующие инородцы Кавказской области и калмыки, кочующие в Астраханской губернии и Кавказской области [11. С. 226]), то в издании 1912 г. (неофициальном, но включающем все действовавшие на тот момент законы) как «инородцы» было выделено уже 8 групп: 1) Сибирские инородцы; 2) Самоеды Архангельской губернии; 3) кочевые инородцы Ставропольской губернии; 4) Калмыки, кочующие в Астраханской и Ставропольской губерниях; 5) Киргизы Внутренней Орды; 6) инородцы областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской; 7) инородческое население Закаспийской области; 8) Евреи [17. С. 87]. Видно, что по большей части это те группы, которые населяли зоны фронтира, что во многом и обеспечило им это положение (такая же ситуация была с башкирами до того, как границы империи сдвинулись южнее). Как и в случае с сибирскими инородцами и евреями, правительство стремилось наиболее эффективно использовать особенности различных групп, наделяя их элементами самоуправления, основанного на существующих традициях.

В целом анализ законодательства об инородцах показывает, что государство четко придерживалось единожды обозначенной логики, воспринимая эту общность как сословие, состоящее из конкретно определенных групп, не столько этнических, сколько территориально-хозяйственных, отличительной чертой которых было наличие элементов самоуправления, основанного на традициях и обычаях. Единственным исключением из правил являются документы, связанные с вопросом просвещения инородцев, подготовленные министром Д.А. Толстым в 1870 г. В его докладе для императора Александра II указано, что к инородцам России относится много различных племен и групп, в том числе татары-мусульмане, населяющие Казанскую губернию и Крым [18], хотя с точки зрения действующего законодательства они не считались инородцами. Но здесь важно учесть, что как министра народного просвещения его интересовали не инородцы как сословие, а группы, отличающиеся степенью русификации и конфессиональной принадлежностью. Использование же им термина «инородцы» применительно к этим группам, по всей видимости, является результатом заимствования из

общественно-политического дискурса, где несколько раньше начала формироваться его новая трактовка, о которой будет сказано ниже. Итогом этого доклада стал императорский указ «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев», где были упомянуты как раз татары [19. С. 314]. Но в целом, вплоть до падения самодержавия в 1917 г., инородцы в законодательном иластном дискурсах рассматривались как социальная группа, о чем свидетельствуют и опубликованные результаты первой всероссийской переписи населения, где они фигурируют наравне с другими сословиями.

Но при этом для представителей администрации на местах было очевидно, что происходящие в стране изменения, в том числе в образе жизни инородцев, требуют и серьезного пересмотра законодательства. Так, в материалах по существующему положению инородцев Приамурья указывалось: «Современные условия и государственной и инородческой жизни требуют замены принципа раздробления принципом объединения инородцев в правовом отношении и устроения их на общепринятых в Империи началах гражданской жизни. Между прочим, принцип объединения даст возможность завершиться естественному историческому процессу слияния инородческого населения в одно равноправное с сельскими обывателями, подобно оседлым инородцам, сословие, по примеру того, как сословие сельских обывателей образовалось в XIX столетии таким же путем объединения многочисленных разрядов сельского населения» [20. С. 5]. Из этих материалов видно, что инородцы описываются как сословие, состоящее из многих разрядов, различия между которыми в бытовой и хозяйственной сфере практически исчезли, что было связано с массовым переходом к оседлому образу жизни. Соответственно ставился вопрос о том, что необходимость в особом управлении уже отпала и необходимо ликвидировать прежние органы самоуправления, заменив их на те, что существуют для крестьянства империи.

Кроме того, само выделение инородческого сословия уже породило определенные проблемы. Если для управления другими группами не требовалось дополнительной подготовки, то чиновники и администраторы, имеющие дело с инородцами, должны были обладать знаниями не только языка, но и особенностей быта и традиций вверенного им населения. Но при этом системы подготовки таких кадров в Российской империи не существовало, поэтому часто управленцы руководствовались только крайне обобщенными представлениями, реже привлекая материалы, собранные членами Императорского Русского географического общества (ИРГО). Это приводило к тому, что администраторы либо старались строго следовать букве закона, игнорируя происходившие с инородцами изменения, либо пытались «цивилизовать» инородцев, следя рас пространенным в российском обществе просветительским идеям, смешанными с линейным эволюционизмом. Безусловно, эта проблема осознавалась как на высшем уровне (практика перевода чиновников, получивших определенный опыт управления инородцами в другие регионы), так и в

среде самих администраторов. То, что она так и не была решена, стало одной из основных причин критики правительства за политику по отношению к инородцам со стороны различных течений общественно-политической мысли в России. При этом нельзя не отметить последовательность в политике правительства в инородческом вопросе – стремление «извлечь из сего племени пользу для государства».

В общественно-политический дискурс понятие «инородцы» вошло гораздо позже – в эпоху Великих реформ и начала активного национального строительства в Российской империи. Именно поэтому в исследовательской литературе (преимущественно западной) и сложилось устойчивое представление о том, что эта категория использовалась в качестве обобщенного «кого-то», по отношению к которому конструировалась русская нация (или этнос). Однако это утверждение является верным только отчасти, поскольку общественно-политический дискурс в Российской империи не был однородным, а потому разными течениями категория «инородцы» воспринималась по-разному.

Как указывает А.Ю. Ледовских [5. С. 43], обсуждение сибирского инородческого вопроса было инициировано в начале 1860-х гг. представителями сибирского областничества на страницах центральных толстых журналов. В дальнейшем к ним присоединились и другие общественные деятели, которые так или иначе были связаны с Сибирью (ссыльные, ученые, чиновники и т.д.). Здесь важно отметить, что областниками инородческий вопрос поднимался не как самостоятельный, а как часть «сибирского вопроса». Свою задачу они видели в необходимости показать неэффективность государственной политики по отношению к Сибири, которую они воспринимали как колонию (вопреки правительльному дискурсу, в котором колоний у России не было). Инородцы, наряду с сибиряками, описывались как жертвы центрального правительства, составляя категорию колониального населения. Но при этом инородцы представляли еще и как угнетенные со стороны русского населения Сибири (хотя причиной столь нецивилизованного поведения сибиряков является как раз пренебрежение ими со стороны имперских властей, из-за чего в сибиряках развиваются многочисленные негативные черты) [21. С. 86–125; 22].

В рамках областнического дискурса фигурировали только сибирские инородцы, которые описывались в категориях расы (понимаемой как этнос) и характеризовались как дикари, находящиеся на грани вымирания, для чего использовался термин «пролетариат». Но причины этого виделись не во врожденных расовых / племенных чертах, а исключительно в ухудшении бытовых и хозяйственных условий, вызванных деятельностью русских. Позитивно оценивалась идея, отраженная в законодательстве об инородцах, о предоставлении им определенного самоуправления, хотя отмечалось, что практическая реализация оставляет желать лучшего. При устранении негативных влияний инородцы способны к усвоению всех достижений цивилизации. Однако областники были против обрушения инородцев, считая, что гораздо важнее для них сохранить собственную идентичность: «истинное

образование инородца не должно порывать его связь с своим народом» [21. С. 122].

Вообще, для областников была характерна определенная двойственность понимания термина «инородец», причем использовали они его применительно только к одному разряду – сибирским народам. С одной стороны, они делали основной аспект на этнических особенностях сибирских народов, в первую очередь хозяйственных. Но с другой стороны, говоря об организации управления инородцами, они полностью следовалиластному дискурсу, в котором эта группа считалась сословием. Важно отметить и то, что в качестве «иного», по отношению к которому конструировалась сибирская идентичность, выступали не инородцы, а русские из Европейской части империи. Интересно, что после Февральской революции, когда возникла идея создания Сибирской областной думы, областники видели в центральном правительстве некоего третейского судью в возможных спорах между сибиряками и инородцами [23. С. 14–15]. Это делает невозможным однозначно отнести областничество к ориенталистским дискурсам, хотя и можно допустить некоторые пересечения.

Однако сибирские инородцы были в целом периферийной темой в общественно-политическом дискурсе 1860-х гг., причем практически всеми его участниками они рассматривались обособленно от других групп. А.Ю. Ледовских [5. С. 94–95] хорошо показано, что представителями либерального направления был сформулирован тезис о необходимости просвещения инородцев, для приобщения их к общечеловеческим ценностям, при этом негативные аспекты русского влияния ими замалчивались. Консерваторы же выступали за сохранение инородцами их самобытности и подчеркивали мирный характер взаимодействия русских с коренными народами Сибири. Объединяло эти два направления восприятие инородцев в качестве этнических групп, находящихся на низком уровне развития, тогда как сословная характеристика практически игнорировалась, хотя и не отвергалась полностью, поскольку наличие особого способа управления сибирскими инородцами призналось за благо.

Совершенно иной была ситуация при обращении к центральной части Российской империи. Одним из самых актуальных вопросов в начале 1860-х гг. стала готовящаяся Земская реформа, которая должна была ввести органы самоуправления в большинстве губерний Европейской России, в том числе и тех, где проживали представители одного из разрядов инородцев, уже частично имеющие таковые, – евреи. В это же время был принят новый закон, согласно которому евреи, получившие диплом доктора, магистра или кандидата получали право служить по любому ведомству и жить за пределами черты оседлости [24. С. 508–509], что породило ряд серьезных опасений среди представителей славянофильства, тогда как западники приветствовали этот шаг, считая его знаковым в деле уравнения евреев в правах с другими группами населения империи. К этому же времени относятся первые серьезные попытки со стороны общества по конструированию русского народа на осно-

ве крестьянского сословия, вызванные отменой крепостного права. Это привело к тому, что в рамках славянофильской парадигмы общественно-политического дискурса понятие «инородец» (причем применительно именно к евреям) перестало восприниматься как обозначающее сословную принадлежность, сменившись этнической трактовкой термина (хотя для сибирских инородцев сохранилось и восприятие их как сословия). При этом представители других общественно-политических течений фактически игнорировали термин «инородец» относительно всех групп, кроме сибирских.

В результате четкая законодательная характеристика инородцев как сословия стала трактоваться совершенно в другом аспекте, согласно которому закон «устанавливает только различные права состояния для природных обывателей, для инородцев и для иностранцев, и в числе инородцев включает евреев, для которых излагает особые узаконения: очевидно, что закон рассматривает их как особую народность» [25. С. 340]. Хотя в законодательстве принципиально игнорировался этнический аспект, но процессы нациестроительства приводили к переосмыслению старых терминов, наполняя их тем содержанием, которое на государственном уровне не закладывалось. Иногда это приводило даже к «избирательной слепоте» в области действующего законодательства, например, указывалось, что евреи принципиально не хотят становиться русскими, для чего создали себе особый орган самоуправления – кагал, хотя это было прописано в законе и не имело никакого отношения к желаниям самих евреев (такая избирательность тем интереснее, поскольку один из основоположников «еврейского вопроса» в славянофильстве – И.С. Аксаков получил юридическое образование и должен был быть знаком с тонкостями инородческого законодательства; по всей видимости, здесь налицо подчеркнутое стремление дистанцироваться от официально-политического дискурса). Оппонентами славянофилов законодательство о евреях также рассматривалось крайне избирательно – акцент делался на существующих ограничениях, которые не позволяют евреям полностью интегрироваться в русскую нацию (хотя термин «инородец» ими не использовался, поскольку, по-видимому, он на тот момент уже приобрел некоторый уничижительный оттенок и мог применяться только к «отсталым» народам империи).

Во всех отношениях евреи идеально подходили на роль «чужого» – в первом случае не желающего (по причине того, что связывают свое существование с государством вне России [26. С. 465–466]), а во втором – не могущего (из-за притеснений) стать «русским» – на основе которого создается образ «своего». Интересно, что как славянофилами (а позже правыми и консерваторами), так и западниками (левыми, либералами) русскому народу приписывались те качества, которые ассоциировались с государственной политической в области инородцев-евреев: либо открытость, либо «национальное чванство». При этом речь шла не о реальной политике (которая оперировала сословными категориями и была довольно последовательной – группа не может по своей воле сменить статус, но ее

отдельные члены – вполне), а о неких образах, которые складывались у различных направлений общественно-политического дискурса.

Последовавшее в 1863 г. Польское восстание привело к переносу образов, которые сформировались о евреях, на поляков. Результатом этого стало формирование нового наполнения термина «инородец» – теперь под ним понимались народы, стремившиеся к созданию автономий в составе Российской империи либо даже к обретению полной национальной независимости. При этом все оценочные суждения, которые относились к евреям, были полностью перенесены на всех инородцев в новой трактовке. В несколько упрощенном виде, для правых течений в общественной мысли они воспринимались как враги, стремящиеся разрушить великую Россию и поработить русский народ; для левых (куда относились как революционные, так и либеральные) – как угнетенные царской властью народы, развитие которых сдерживается многочисленными ограничениями. Интересно, что в результате в либеральной среде возникло некоторое чувство стыда перед народами, которым правительством не предоставлены равные права с русскими и которые становились жертвами погромов: «Невольно при встрече с нашими инородцами и иноверцами приходится краснеть, вспоминая бесцеремонное, подчас возмутительно-циничное с ними обращение нашей братии, – так мало в нем национального самоуважения!» [27. С. 13]. Парадоксально, но оба лагеря сходились в том, что в основном уровень развития, просвещения, цивилизованности и т.д. у этих инородцев выше (хотя есть и исключения – собственно те инородцы, которые прописаны в законодательстве, кроме евреев), чем у русских. Собственно, именно этим и объясняется подобное отношение к этим народам, для обозначения которых все чаще используется термин «нация», имеющий ярко выраженный политический контекст – народ, претендующий на собственное государство. Сословная характеристика инородцев в это время уже полностью исчезает, вытесненная этнической.

Своего пика инородческий вопрос в общественно-политическом дискурсе достиг к началу XX в., когда национальные партии стали значимой силой в политике, как легальной, так и противозаконной. В основном эта тема поднималась представителями правых партий и движений, выражавших серьезную обеспокоенность усилением инородческих движений, которые расценивались как сепаратистские. Основной характеристикой инородцев в правом дискурсе стала их неблагодарность: «Но несмотря на всю нашу доброту к инородцам, они недовольны нами, постоянно жалуются, что мы их тесним, и всячески стараются делать зло русскому народу и русскому государству; а наши революционные газеты с явным злым умыслом твердят при всяком случае, что русское правительство давит и оскорбляет инородцев» [28. С. 1–2]. В многочисленных публикациях представителей правого лагеря перечислялись злодеяния инородцев, их деятельность по подрыву целостности государства, притеснению русских, расправы с представителями власти. По мере расширения сепаратистских национальных движений,

увеличивался и перечень народов, относящихся к инородцам, фактически ими стали все, кроме великороссов (включив даже белорусов и малороссов).

Но, выступая безусловно против превращения России в федерацию на основании равенства всех народов, правые были также против и русификации инородцев: «Не механическое обрушение инородцев, а органическое их сроднение с русскою образованностью должно быть задачею как нашей окраинной школы, так и всей нашей окраинной политики» [29. С. 75]. В первую очередь именно для правых инородцы стали тем «иным», в противостоянии которому должна была сформироваться русская нация: «Когда в сознании русского общества произойдет поворот в сторону национализма и понимания инородческой опасности, перед ним раскроется широкое поле национальной работы» [30. С. 68].

Для левого лагеря инородческий вопрос стал частью борьбы с правительством за гражданские права. Ими инородцы воспринимались не как «иные», а как естественные союзники в этой борьбе. В этом дискурсе термин «инородцы» постепенно начал утрачивать этническую составляющую, вытесняясь гражданско-правовой, т.е. инородцы – это неполноправные подданные. Но так как всех гражданских прав не имеют и русские, то противостояние с инородцами не имеет смысла, а общим врагом является самодержавие [31]. В некотором плане можно говорить о возврате к исходному значению термина, который присутствовал в законодательном дискурсе (как группы с определенными особенностями управления и самоуправления, не совпадающими с некой имперской «нормой»), но с включением в эту социальную группу уже всех народов, за исключением русских, хотя в данном случае это не является принципиально важным. Отдельно можно упомянуть общественно-правовой дискурс, представленный работами профессиональных юристов. Как указывает Н.Н. Андриянова [32], среди ученых не существовало единого понимания того, по каким критериям выделяется категория инородцев, на какие разряды она делится, насколько пронициаема грань между ними, а также по вопросу о возможности перехода из инородческого сословия в другие. Несмотря на существование подробного законодательства об инородцах, было возможно наличие существенных расхождений во мнениях, а это свидетельствует о том, что для представителей различных направлений общественной мысли в Российской империи само понятие «инородцы» воспринималось в отрыве от существующей системы управления, превратившись в некий маркер, разделивший интеллигенцию на несколько лагерей.

Не менее интересной была ситуация в академическом историческом и этнографическом дискурсе. Так, авторы многотомных исследований по истории России (Н.Г. Устрилов, М.П. Погодин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский и др.) просто игнорировали понятие «инородцы», равно как и «инородческий вопрос». Этнография же до конца 1880-х гг. не была представлена в качестве специальности в университетах, ею занимались представители самых различных наук (от лингвистики до географии, от статистики до права), а

основными научными центрами были отделения ИРГО, в состав которых входили в основном не академические ученые, а представители широких слоев интеллигенции, включая и политических ссыльных, внесших основной вклад в изучение российских инородцев, под которыми понимали коренные народы Сибири, Дальнего Востока, Поволжья, Средней Азии и Кавказа, не включая в эту категорию народы западной окраины, в том числе и евреев. Так, в исследовании М.И. Берлина (этнического еврея), выполненного по заказу Этнографического отделения ИРГО, «Очерк этнографии еврейского народонаселения в России» [33] термин «инородцы» не встречался ни разу. Таким образом, и в академическом дискурсе отсутствовало единое представление о содержании понятия «инородцы» – ученые-правоведы рассматривали его как сословие, историки игнорировали, а этнографы (среди которых, как правило, не было людей со специальным образованием) использовали в этническом смысле.

В основном, как правильно отметил Дж. Слокум [6. С. 518–523], к началу XX в. категория «инородцы» воспринималась в российском обществе исключительно как этническая, хотя и без четкого обозначения критериев ее выделения. Но процесс трансформации в общественном сознании сословной категории в этническую начался гораздо раньше – в 1860-е гг. в среде славянофилов, а в 1880-е гг. охватил уже все течения общественной мысли в России. При этом не существовало консолидированной позиции российского общества по инородческому вопросу – для правых инородцы были угрозой как для русского народа, так и для государства (эти два понятия рассматривались неразрывно), а потому лучшее отношение к ним – сохранение существующих ограничений и отказ от массовой русификации (потому что в этом случае произойдет размытие чистоты русского народа), при этом уровень образованности у инородцев воспринимался как более высокий, чем у русского народа, что нехарактерно для колонизаторского дискурса. Для левых же (куда входили как либералы, так и революционеры) инородцы – естественные союзники русского народа и Российской интеллигенции в борьбе за гражданские права, но для этого необходимо проводить их активное просвещение, что придавало этим рассуждениям ориенталистский окрас. Особняком стоял дискурс о сибирских инородцах, относительно положения которых существовал определенный консенсус – они рассматривались как группа абсолютно не опасная для русского народа из-за своего низкого уровня развития, вследствие чего она нуждается в покровительстве со стороны государства и общества.

Из-за существующего в Российской империи разрыва между властью и обществом многие образованные люди оказывались как бы на перепутье – находясь на государственной службе они были вынуждены оперировать категориями властного и законодательного дискурса, а вне ее оказывались во власти понятий, ходивших в общественно-политической сфере. Из-за этого один и тот же человек в различных ситуациях мог придерживаться противоположных позиций. В качестве показательного примера, иллюстрирующего всю сложность восприятия категории

инородцев к началу XX в., можно привести воспоминания А.И. Термена – бывшего полицмейстером в Мукдене и участковым приставом в одном из уездов Туркестана, – который как четко указывал на существующие проблемы, так и делился своим опытом в администрировании. Он отмечал, что для правильной организации системы управления инородцами необходимо учитывать исследования в области биологии, социологии, психологии и этнографии, игнорирование которых «приводит к ряду ошибок, которые исправляет жизнь... Естественными последствиями целого ряда административных ошибок и объясняется, таким образом, вымирание самоедов и их стад, вечные беспорядки на Кавказе, обнищание инородцев Сибири, андижанское восстание, поднятое минтюбинским ишаном, и полный упадок некогда несравненно более заселенного и цветущего Камчатского края» [34. С. 1]. А.И. Термен указывал, что администратор для инородцев – это воспитатель, который должен изучить особенности вверенного ему народа, «снизойдя» до него, поскольку «легче человеку развитому снизойти до уровня понимания дикаря, чем дикарю подняться до понятий человека развитого, так как этот последний в унаследованном родовом опыте прошел уже стадию дикаря, а дикарь в наследство получил лишь опыт предшествующих стадий развития». После этого администратор должен вести своих «подопечных» по пути эволюции, не перескакивая через стадии, но несколько ускоряя этот процесс за счет внедрений достижений цивилизации.

Описывая свой опыт управления мусульманами Туркестана, А.И. Термен приводит программу собственных действий, которую можно применять и для других групп инородцев (с соответствующими доработками): «1) Показать, что администрация не чужда интересов и идеалов населения. 2) Что администрация справедлива, и карает, что с точки зрения этики ислама караемо. 3) Из этики Ислама указывать и напирать на то, что тождественно с христианством, чем вести народ по пути примирения с христианством. 4) Подобрав известные изречения из Корана, стараться требование правительства основывать насколько окажется возможным на требованиях Корана или Шариата...» [34. С. 4]. Но не менее показательной является реакция губернатора после того, как подобные рекомендации были ему представлены: «Я не думал, что Термен такой ретроград. Нам нужно игнорировать Шариат, а не подымать его значение. Надо, чтобы они его забыли и могли управляться одними нашими законами» [Там же. С. 20].

В этих небольших по объему воспоминаниях проявляется сразу несколько сюжетов. С одной стороны, – стремление следовать законодательству в отношении инородцев, учитывать их конфессиональные, этнические, бытовые особенности. С другой – пренебрежительно-покровительственное отношение к инородцам как к дикарям, которых необходимо привести к прогрессу. С третьей – губернатор предстает как проводник политики русификации и унификации, что противоречило самому духу законодательства об инородцах. Это показывает, насколько запутанным стал инородческий вопрос в эпоху нациестроитель-

ства и попыток одновременной модернизации империи и сохранения в ней сословий.

Понятие «инородцы», введенное в публичную сферу в 1822 г. законодательства, на протяжении столетия неоднократно меняло свое содержание в рамках различных дискурсивных практик Российской империи. Изначально этот термин обозначал новое сословие, пришедшее на смену группе ясачных людей, и применялся исключительно к народам Сибири и Дальнего Востока, но уже в 1833 г. в него были включены евреи и кочевые народы кавказского фронтира. Данное сословие формировалось по принципу наличия органов самоуправления, опирающихся не на имперское законодательство, а на обычай и традиции народов, входящих в него. Делалось это для повышения эффективности управления и экономической эксплуатации этих народов, хотя из-за злоупотреблений на местах, а также того, что изменения в законодательстве не всегда поспевали за изменениями в образе жизни, поставленная цель реализовывалась только частично. Именно в сословном, а не этническом смысле понятие «инородец» просуществовало в имперском законодательном дискурсе вплоть до 1917 г.

В общественно-политический дискурс термин «инородцы» вошел только в эпоху Великих реформ и оказался связан с процессами нациестроительства и модернизации. Изначально он применялся к тем же группам, зафиксированным в законодательстве, – сибирским инородцам, которые воспринимались как этнические общности, находящиеся на низком уровне развития, а потому безвредные для государства, и евреям, отношение к которым было различно у представителей разных общественно-политических течений. Если для славянофилов, а затем правых и консерваторов евреи выступали в качестве опасного врага, который борется и с Россией как государством и с русским народом, то для западников (левых, либералов) они считались угнетенным меньшинством, которому следует предоставить равные права с остальными народами империи.

В дальнейшем категория инородцев начала расширяться за счет включения в нее всех народов (или даже наций) империи, претендующих на политическую самостоятельность, при сохранении тех же оценок, которые были даны евреям. Правыми течениями инородцы стали восприниматься как обобщенный «иной», в борьбе с которым должна была формироваться и развиваться русская нация, тогда как левые видели в них союзника в борьбе с самодержавием за гражданские права, которые должны быть одинаковыми у всех этносов России, допуская возможность создания инородцами своих государств (либо автономий в составе федеративной России). При этом уровень развития инородцев часто воспринимался как равный или даже превосходящий тот, на котором находится русский народ.

В силу существования нескольких серьезно различающихся позиций, инородческий вопрос невозможно однозначно отнести к ориенталистскому дискурсу. Также это ставит под сомнение утверждение Дж. Слоукома, согласно которому «Инородцы также представляли собой существенную угрозу, реальную или воображаемую, безопасности российского государства и русского народа. Важнейшей задачей российской политики было нейтрализовать эту угрозу, в идеале – через ассимиляцию, поскольку пока инородцы оставались неассимилированными, ощущение угрозы сохранялось» [6. С. 516]. Частично оно является верным для правого дискурса конца XIX – начала XX в., хотя ассимиляция инородцев правыми в большинстве своем отвергалась. Для российского же правительства инородческий вопрос был принципиально выведен за сферу этнического, осмысливаясь в категориях сословия, которое не противостоит остальным группам населения, а составляет вместе с ними единое целое, особенности которого надо не ликвидировать, а постараться максимально эффективно использовать.

Парадоксально, но наиболее близко к колонизаторскому и ориенталистскому дискурсу стоял Л.Я. Штернберг – сам выходец из инородцев (еврей), бывший революционер, в ссылке ставший ученым исследователем народов Дальнего Востока, а в дальнейшем – одним из основоположников советской этнографии. Он абсолютно правильно подметил существование в Российской империи двух подходов при выделении инородцев – «этнополитического» и «сословного», подвергнув критике оба. Но далее он писал: «Для нашей задачи – характеристики национального движения – термин “инородцы” может иметь только одно толкование, именно то, которое ему придается в *этнографическом* (курсив Л.Я. Штернберга) понимании слова, то есть группы народов, либо совсем чуждых, либо только в очень незначительной степени приобщившихся к европейской культуре» [35. С. 532]. А еще дальше он указывал, что некоторые из этих народов до настоящего времени не дошли до уровня национального самосознания, а другие – едва ли когда-нибудь дойдут [Там же. С. 533]. Здесь отчетливо видно стремление классифицировать народы по уровню развития на низшие и высшие, причем мерилом является культура Европы. Однако подобная позиция не была магистральной в дискурсах об инородцах, получив распространение только в среде «околоакадемической» науки и отдельных групп революционной интеллигенции. Таким образом, мы можем говорить о существовании нескольких пересекающихся пластов трактовки термина «инородцы» в дискурсах Российской империи, что не позволяет рассматривать его только с позиций колониализма и ориентализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание I. Т. XXXVIII. СПб. : Типография II отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1830. 1354 с.
2. Конев А.Ю. О первоначальном проекте устава об управлении инородцев: история создания и основные положения // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2. С. 47–52.
3. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание I. Т. IV. СПб. : Типография II отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1830. 892 с.

4. Конев А.Ю. «Инородцы» Российской империи: к истории возникновения понятия // Теория и практика общественного развития. 2014. № 13. С. 117–120.
5. Ледовских А.Ю. Сибирский «инородческий вопрос» на страницах российской журнальной прессы во второй половине XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2008. 241 с.
6. Слокум У.Дж. Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М. : Новое изд-во, 2005. С. 502–532.
7. Бобровников В.О. Что вышло из проектов создания в России инородцев? (ответ Джону Слокуму из мусульманских окраин империи) // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. Т. II. М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 259–291.
8. Найт Н. О русском ориентализме: ответ Адибу Халиду // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет / под ред. О. Леонтьевой. М. : Новые границы, 2005. С. 323–343.
9. Халид А. Российская история и спор об ориентализме // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет / под ред. О. Леонтьевой. М. : Новые границы, 2005. С. 310–322.
10. Стейнведел Ч. Племя, сословие или национальность? // Новая имперская история постсоветского пространства : сб. ст. (Библиотека журнала «Ab Imperio») / под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семенова. Казань : Центр Исследований Национализма и Империи, 2004. С. 473–500.
11. Свод законов Российской империи. Т. IX. СПб. : Типография II отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1833. 446 с.
12. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание I. Т. XVII. СПб. : Типография II отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1830. 1137 с.
13. Свод законов Российской империи. Т. II. СПб. : Типография II отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1833. 904 с.
14. Новая имперская история Северной Евразии. Часть 2: Балансирование имперской ситуации: XVIII–XX вв. / под ред. И. Герасимова. Казань: «Ab Imperio», 2017. 630 с.
15. Капеллер А. Россия – многонациональная империя. М. : «Традиция» – «Прогресс-Традиция», 2000. 344 с.
16. Слэкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / авторизованный пер. с англ. О. Леонтьевой. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
17. Свод законов Российской империи. Т. IX. СПб. : Изд-во книжного товарищества «Деятель», 1912. 208 с.
18. Доклад министра народного просвещения Д.А. Толстого «О мерах с образованием населяющих Россию инородцев» (1870 г.). URL: <http://www.detskiysad.ru/raznлит/istped012.html>
19. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание II. Т. XLV. СПб. : Типография II отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1874. 897 с.
20. Солярский В.В. Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. Материалы по изучению Приамурского края. Вып. XXVI. Хабаровск : Типография Канцелярии Приамурского Генерал-губернатора, 1916. 174 с.
21. Ядринцев Н.М. Сибири как колония. К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1889. 471 с.
22. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб. : Типография И.М. Сибирякова, 1891. 306 с.
23. Серебренников И. Инородческий вопрос в Сибири. Иркутск: Коммерческая электро-тип., 1917. 16 с.
24. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание II. Т. XXXVI. Отделение второе. СПб. : Типография II отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1863. 1057 с.
25. Аксаков И.С. Не об эмансиации евреев следует толковать, а об эмансиации русских от евреев // Наше знамя – русская народность / сост. и ком. С. Лебедева; отв. ред. О. Платонов. М. : Ин-т русской цивилизации, 2008. С. 339–345.
26. Аксаков И.С. Разбор циркулярного воззвания «еврейского всемирного союза» // Наше знамя – русская народность / сост. и ком. С. Лебедева; отв. ред. О. Платонов. М. : Ин-т русской цивилизации, 2008. С. 457–473.
27. Кавелин К.Д. Наши инородцы и иноверцы. СПб. : Книгоиздательство «Правда», 1907. 14 с.
28. Добромуслов Инородцы в России. Б.м., 1907. 16 с.
29. Будилович А.С. Может ли Россия отдать инородцам свои окраины? СПб. : Типография А.С. Суворина, 1907. 75 с.
30. Сидоров А.А. Инородческий вопрос и идея федерализма в России. М. : Типография В.М. Саблина, 1912. 68 с.
31. Пешехонов А.В. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1905. № 4. С. 97–127.
32. Андриянова Н.Н. Понятие инородцев и их классификация в дореволюционной юридической литературе и законодательстве Российской империи XIX века // Вестник Московского городского педагогического университета. 2009. № 2 (4). 2009. С. 107–114.
33. Берлин М.И. очерк этнографии еврейского народонаселения в России. 2-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2015. 94 с.
34. Термен А.И. Воспоминания администратора. Опыт исследования принципов управления инородцев. СПб. : Типография Л. Сапер, 1914. 20 с.
35. Штернберг Л.Я. Инородцы. Общий обзор // Формы национального движения в современных государствах: Австро-Венгрия. Россия. Германия / под ред. А.И. Каステлянского. СПб. : Изд. товарищества «Общественная польза», 1910. С. 529–574.

Статья представлена научной редакцией «История» 17 апреля 2018 г.

INORODTSY'S QUESTION IN THE DISCOURSE OF THE RUSSIAN EMPIRE: BETWEEN GOVERNMENT NEEDS AND SOCIETY IMAGES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 164–174.

DOI: 10.17223/15617793/436/20

Alexey B. Panchenko, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russian Federation). E-mail: alexeypank@rambler.ru
Oleg N. Stafeev, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russian Federation). E-mail: varnak81@mail.ru

Keywords: inorodtsy; Orientalism; internal colonization; modern imperial history; discourse analysis.

The main aim of this research is the identification of various interpretations of the term “inorodtsy” (non-Russians) in the discourses of the Russian Empire. The authors have set the following research objectives: to allocate the main discourses raising the foreign question in the Russian Empire; to define features of perception of the foreign question within various discourses. In modern science, the question of the content of the term “inorodtsy” in the Russian Empire is considered, as a rule, through an Orientalism prism. Within the theory of “internal colonization”, this concept is treated as an ethnic category, representatives of “modern imperial history” speak about foreigners as an artificially designed social community. The methodological basis of the research is a multiple-factor approach assuming the existence of several multidirectional discourses created by various actors. Based on the *Collection of laws of the Russian Empire*, the *Code of Laws of the Russian Empire*, journalistic works and academic research, the authors identify power, socio-political and academic discourses differing both in the interpretations of the term “inorodtsy” and in the judgments on the “inorodtsy” question. Within the power discourse, “inorodtsy” were considered as a separate class created for the most effective use of features of economy and self-government of some groups of the population for the benefit of the state. This position remained

invariable throughout the existence of the Russian Empire. The socio-political discourse was not uniform, and the division was based on the political principle (the right and the left), and on the territorial one (Siberian and the discourse of European Russia). In the right discourse, “inorodtsy” were considered as “alien”, hostile in relation to the Russian people, and included all non-Russian population of the western borderlands of the empire and the Volga region. For the left discourse, “inorodtsy” were understood as non-Russian people of the empire restrained in the rights and therefore natural allies of the Russian people and society in fight for freedoms. The discourse about the Siberian “inorodtsy” united representatives of various currents in society that treated them as backward and harmless peoples of Siberia. The academic discourse was not uniform either. It was divided depending on the scientific direction. Within a legal discourse, foreigners were considered as a class, but with unclear criteria for separation. Within a historical discourse, this concept was ignored; in the ethnographic one, the concept covered indigenous peoples of the borderlands. The main conclusions are as follows: the concept “inorodtsy” of the Russian Empire repeatedly changed its content within various discourse practices, which does not allow to consider it only from positions of colonialism and Orientalism; political preferences and motives of authors determine features of the use of these or those interpretations of this term.

REFERENCES

1. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, s 1649 goda* [The complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649]. Collection I. Vol. XXXVIII. St. Petersburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy EIV kantselyarii.
2. Konev, A.Yu. (2013) O pervonachal’nom proekte ustava ob upravlenii inorodtsev: istoriya sozdaniya i osnovnye polozheniya [On the initial draft of the charter on the management of foreigners: the history of creation and basic provisions]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2. pp. 47–52.
3. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, s 1649 goda* [The complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649]. Collection I. Vol. IV. St. Petersburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy EIV kantselyarii.
4. Konev, A.Yu. (2014) ‘Inorodtsy’ of the Russian Empire: History of Concept’s Origin. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 13. pp. 117–120. (In Russian).
5. Ledovskikh, A.Yu. (2008) *Sibirskiĭ “inorodcheskiy vopros” na stranitsakh rossiyskoy zhurnal’noy pressy vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [Siberian “non-Russian issue” in the pages of Russian magazines in the second half of the 19th – early 20th centuries]. History Cand. Dis. Omsk.
6. Slocum, J.W. (2005) Kto i kogda byli “inorodtsami”? Evolyutsiya kategorii “chuzhie” v Rossiyskoy imperii [Who, and When, *Were the Inorodts?* The Evolution of the Category of “Aliens” in Imperial Russia]. Translated from English. In: Vert, P., Kabytov, P.S. & Miller, A.I. *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiya* [Russian Empire in foreign historiography. Works of recent years: Anthology]. Moscow: Novoe izd-vo.
7. Bobrovnikov, V.O. (2012) Chto vyshlo iz proektorov sozdaniya v Rossii inorodtsev? (otvet Dzhonu Slokumu iz musul’manskikh okrain imperii) [What came out of the projects of the evolution of foreigners in Russia? (Reply to John Slocum from the Muslim borderlands of the empire)]. In: Miller, A.I., Sdvizhkov, D. & Shirle, I. (eds) *“Ponyatiya o Rossii”: K istoricheskoy semantike imperskogo perioda* [“Understanding of Russia”: On the historical semantics of the imperial period]. Vol. II. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
8. Knight, N. (2005) O russkom orientalizme: otvet Adibu Khalidu [On Russian Orientalism: A response by Adeeb Khalid]. Translated from English. In: Leont’eva, O. (ed.) *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let* [Russian Empire in Foreign Historiography. Works of recent years]. Moscow: Novye granitsy.
9. Khalid, A. (2005) Rossiyskaya istoriya i spor ob orientalizme [Russian history and the debate over Orientalism]. In: Leont’eva, O. (ed.) *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let* [Russian Empire in Foreign Historiography. Works of recent years]. Moscow: Novye granitsy.
10. Steinwedel, Ch. (2004) Plemya, soslovie ili natsional’nost’? [A tribe, class or nationality?]. Translated from English. In: Gerasimov, I.V. et al. (eds) *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva* [New imperial history of the post-Soviet space]. Kazan: Tsentr Issledovanii Natsionalizma i Imperii.
11. Russian Empire. (1833) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [The code of laws of the Russian Empire]. Vol. IX. St. Petersburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy EIV kantselyarii.
12. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, s 1649 goda* [The complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649]. Collection I. Vol. XVII. St. Petersburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy EIV kantselyarii.
13. Russian Empire. (1833) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [The code of laws of the Russian Empire]. Vol. II. St. Petersburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy EIV kantselyarii.
14. Gerasimov, I. (ed.) (2017) *Novaya imperskaya istoriya Severnoy Evrazii* [New imperial history of Northern Eurasia]. Pt. 2. Kazan: “AbImperio”.
15. Kappeler, A. (2000) *Rossiya – mnogonatsional’naya imperiya* [Russia, a multinational empire]. Moscow: “Traditsiya” – “Progress-Traditsiya”.
16. Slezkin, Yu. (2008) *Arkticheskie zerkala: Rossiya i malye narody Severa* [Arctic mirrors: Russia and the small peoples of the North]. Translated from English by O. Leont’eva. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
17. Russian Empire. (1912) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [The code of laws of the Russian Empire]. Vol. IX. St. Petersburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy EIV kantselyarii.
18. Russian Empire. (1870) *Doklad ministra narodnogo prosveshcheniya D.A. Tolstogo “O merakh s obrazovaniem naselyayushchikh Rossiyu inorodtsev”* (1870 g.) [Report of Minister of Public Education D.A. Tolstoy “On measures with the education of foreigners inhabiting Russia” (1870)]. [Online] Available from: <http://www.detskiysad.ru/raznlit/istped012.html>.
19. Russian Empire. (1874) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, s 1649 goda* [The complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649]. Collection II. Vol. XLV. St. Petersburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy EIV kantselyarii.
20. Solyarskiy, V.V. (1916) *Sovremennoe pravovoe i kul’turno-ekonomicheskoe polozhenie inorodtsev Priamurskogo kraya. Materialy po izucheniyu Priamurskogo kraya* [Modern legal and cultural-economic situation of foreigners of the Amur region. Materials on the study of the Amur region]. Is. XXVI. Khabarovsk: Tipografiya Kantselyarii Priamurskogo General-gubernatora.
21. Yadrinsev, N.M. (1889) *Sibir’ kak koloniya. K yubileyu trekhstoletiya. Sovremennoe polozhenie Sibiri. Ee nuzhdy i potrebnosti. Ee proshloe i budushchee* [Siberia as a colony. On the 300th anniversary. The modern position of Siberia. Its needs and requirements. Its past and future]. St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha.
22. Yadrinsev, N.M. (1891) *Sibirskie inorodtsy, ikh byt i sovremennoe polozhenie* [Siberian foreigners, their life and current situation]. St. Petersburg: Tipografiya I.M. Sibiryakova.
23. Serebrennikov, I. (1917) *Inorodcheskiy vopros v Sibiri* [The foreign issue in Siberia]. Irkutsk: Kommercheskaya elektro-tip.
24. Russian Empire. (1863) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii, s 1649 goda* [The complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649]. Collection II. Vol. XXXVI. Part II. St. Petersburg: Tipografiya II otdeleniya Sobstvennoy EIV kantselyarii.
25. Aksakov, I.S. (2008) Ne ob emancipatsii evreev sleduet tolkovat’, a ob emancipatsii russikh ot evreev [We should speak about the emancipation of the Russians rather than about the emancipation of the Jews]. In: Platonov, O. (ed.) *Nashe znamya – russkaya narodnost’* [Our banner is the Russian people]. Moscow: In-t russkoy tsivilizatsii.
26. Aksakov, I.S. (2008) Razbor tsirkulyarnogo vozvaniya “evreyskogo vsemirnogo soyuza” [Analysis of the circular appeal of the Jewish World Union]. In: Platonov, O. (ed.) *Nashe znamya – russkaya narodnost’* [Our banner is the Russian people]. Moscow: In-t russkoy tsivilizatsii.
27. Kavelin, K.D. (1907) *Nashi inorodtsy i inovertsyi* [Our non-Russians and non-Orthodox]. St. Petersburg: Knigoizdatel’stvo “Pravda”.

28. Dobromyslov. (1907) *Inorodtsy v Rossii* [Foreigners in Russia]. S.l.: [s.n.].
29. Budilovich, A.S. (1907) *Mozhet li Rossiya otdat' inorodtsam svoi okrainy?* [Can Russia give its borderlands to foreigners?]. St. Petersburg: Tipografia A.S. Suvorina.
30. Sidorov, A.A. (1912) *Inorodcheskiy vopros i ideya federalizma v Rossii* [Foreign question and the idea of federalism in Russia]. Moscow: Tipografia V.M. Sablina.
31. Peshekhonov, A.V. (1905) *Khronika vnutrenney zhizni* [Chronicle of the inner life]. *Russkoe bogatstvo*. 4. pp. 97–127.
32. Andriyanova, N.N. (2009) The Notion “Minorities” and Their Classification in Prerevolutionary Law Literature and in the Legislation of the Russian Empire in XIX Century. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta – Vestnik Moscow City Pedagogical University*. 2 (4). pp. 107–114. (In Russian).
33. Berlin, M.I. (2015) *Ocherk etnografii evreyskogo narodonaseleniya v Rossii* [Essay on the ethnography of the Jewish population in Russia]. 2nd ed. Moscow: LENAND.
34. Termen, A.I. (1914) *Vospominaniya administratora. Opyt issledovaniya printsipov upravleniya inorodtsev* [Administrator's memories. Experience in the study of the principles of management of non-Russians]. St. Petersburg: Tipografiya L. Saper.
35. Shternberg, L.Ya. (1910) Inorodtsy. Obshchiy obzor [Non-Russians. Overview]. In: Kastelyanskiy, A.I. (ed.) *Formy natsional'nogo dvizheniya v sovremennykh gosudarstvakh: Avstro-Vengriya. Rossiya. Germaniya* [Forms of the national movement in modern states: Austria-Hungary. Russia. Germany]. St. Petersburg: Izd. tovarishchestva “Obshchestvennaya pol'za”.

Received: 17 April 2018